

В. А. ГОЛЬЦЕВ

**Законодательство и нравы
в России XVIII века**

II

Преобразовательная деятельность Петра Великого в области нравов направилась прежде всего к изменению внешности, формы отношений, покроя платья, к борьбе с бородою и с разнообразными предрассудками. Корб отмечает в своем дневнике, как редкое явление у русских, вежливость и приветливость смоленского воеводы, Петра Самойловича Салтыкова: при проезде посольства не было тех задержек и пререканий, которых до Петра Великого не могло избежать в России ни одно иностранное посольство. Корб пишет по этому поводу: «Я думаю, что доколе будет жить ныне благополучно царствующий государь, дотоле этот народ не возобновит прежних столь нелепых своих притязаний». Другой иностранец, живший в России довольно продолжительное время, также связывал судьбу преобразований Петра I с его жизнью: «Можно сказать с достоверностью, — читаем мы в книге Перри*, — что если нынешний царь умрет прежде, чем бóльшая часть его старых бояр отправится на тот свет, то бóльшая часть всего того, чем он старался преобразовать страну свою, переправится в старую прежнюю форму, тем более

---

* *Перри*. Состояние России при нынешнем царе, 168. Фоккерод говорит: «Вообще ничто во всех чужеземных нововведениях не представлялось Русским смешнее того, как когда говорят им о правилах чести (*point d'honneur*) и желают, во имя того, убедить их сделать что-нибудь, или от чего-нибудь отказаться. Были бы так же совершенно напрасными всякие старания убедить их, что мнение какой-нибудь личности, не имеющей права им приказывать, иногда может сделать их счастливыми или несчастными, или может их вынудить совершить такое дело, которое противно их интересам (*Фоккерод*. Записки // Русск<ий> арх<ив>. 1883. Кн. II. С. 1422—1423).

что предполагают, что сын его, нынешний царевич русский, нравом вовсе не похож на отца своего». Перри свидетельствует об успехе некоторых законодательных мер императора. Так он сообщает, что русские уже почти примирились с обычаем брить бороды, так как женщины предпочитали видеть своих мужей и возлюбленных без бороды. Но сказанное может быть справедливым лишь по отношению к высшим классам русского общества. Мы знаем, какую упорную борьбу за бороду вел русский народ и не видим в этой борьбе ни малейших оснований для осуждения народа, для глумления над ним. С бородой у русского человека связывалось, — худо или хорошо, — это другой вопрос, — представление об образе и подобии Божиим, о личном достоинстве, и поэтому заслуживает полного уважения отказ от подчинения правительственным предписаниям, налагавшим свою тяжелую руку на частную жизнь, на личную свободу человека. Конечно, с нашей точки зрения, не стоило рисковать пеней, батогами, а тем более жизнью из-за бороды или из-за платья; но с нашей же точки зрения следует осудить и законодательство, которое ведет ожесточенную борьбу с бородой и долгополым платьем, раздражая народ из-за пустого дела и этим затрудняя проведение в жизнь действительно важных преобразований. Многие искренне сомневались в возможности спасения, если у них сбрита борода, и митрополит ростовский Дмитрий должен был доказывать обращающимся к нему, что образ и подобие Божие состоят не в делах, а в невидимой душе, что в делах, Богу не противных и не вредящих спасению, должно повиноваться властям. Митрополит ростовский написал даже по этому поводу рассуждение «Об образе Божии и подобию в человеке»*. Рассуждение это несколько раз печаталось по приказанию Петра.

В бумагах Витворта мы находим указание на те поистине возмутительные меры, которые принимались местными властями для приведения в исполнение указов Петра Великого. Одной из

* Отметим по этому поводу любопытный факт из французской истории. Раненый в лицо Франциск I отпускает бороду. Этим устанавливается мода, но парламент и *Chapitres métropolitains* упорно восстают против нововведения: бородатого члена не пускают в парламент, бородатого епископа в церковь. Подымаются серьезные споры о бороде. Сорбонна в 1581 году постановила, что борода противоречит скромности, которую должно требовать от студентов-богословов. В 1525 году парламент запрещает народу носить длинные бороды, которые как бы скрывают гибельный замысел против государственного спокойствия (*semblent cacher quelque dessein pernicieux contre le repos de l'Etat*). С Генриха IV борода победила (*Alfred Franklin. Journal du siège de Paris en 1590. P. 108—109*).

причин астраханского бунта, по донесению Витворта своему правительству, было следующее обстоятельство: народ возмутился тем, что губернатор расставил у входа в церкви приставов, которые обрезывали у женщин длинные платья до половины (?), а у мужчин бороды. Замечательно и то, что при усмирении этого мятежа Якову Носову сначала обрили бороду, а потом отрубили голову*. Такими-то энергическими мерами приучал Петр Великий своих подданных к благообразию на свой вкус!

Гораздо более сочувствия вызвали указы о необходимости добровольного согласия для вступления в брак. Указ этот, по свидетельству иностранца-современника, очень понравился молодым людям** и пробудила в них сочувствие к иноземному, так как новая мера была принята очевидно под западно-европейским влиянием. Введение ассамблей было тяжким ударом по старому семейному и общественному строю. По мнению г. Карновича***¹, «указ об ассамблеях произвел коренной перелом и в домашней, и в общественной жизни наших предков, и послужил первым шагом к тому, чтобы и у нас женщины заняли в обществе то положение, какое они занимали в западной Европе». Г-н Карнович прибавляет однако, что ассамблеи вряд ли вошли бы в обычай, если б император не наблюдал за исполнением своих предписаний с той беспощадной строгостью, которая составляла особенность этого государя. То же утверждает и г. Брикнер² в своей «Истории Петра Великого». Нечего и говорить, какими пагубными последствиями отражалась на русской жизни замкнутость, невольное домашнее затворничество женщин. По мнению одного из наших историков, Хмырова³, результатом этого затворничества была «не столько грубость, сколько какая-то черствость нрава и привычек»****. В этом отношении, конечно, ассамблеи могли приносить и в действительности принесли немалую пользу. Известно что для таких собраний были установлены правила, что между знатными и богатыми людьми была заведена очередь для приема званых и незваных гостей. Время на ассамблеях проходило в танцах, в игре, в попойке. Иногда развеселившийся император приказывал дамам, через генерал-полицеймейстера, оставаться долее положенного срока.

* Сборник Импер<аторского> русск<ого> историч<еского> Общ<ества>. Т. XXXIX. С. 248—249, 272. Ср.: Устрялов: История царствования Петра Великого. Т. III. С. 192, 194—195.

** *Перри*. Указ. соч. С. 130. Ср. отзыв Соловьева в «Истории России» (Т. XVI. С. 106—107).

*** *Карнович*. Истор<ические> рассказы и бытовые очерки. С. 238.

**** *Хмыров*. Графиня Е. И. Головкина и ее время. С. 16.

Берхгольц находил, что к концу царствования Петра Великого русское общество оказало большие успехи. «Вообще, говорит он, надобно отдать справедливость здешним (т. е. петербургским и отчасти московским) родителям: они не щадят ничего для образования своих детей. Вот почему и смотришь с удивлением на большие перемены, совершившиеся в России в столь короткое время. Русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, так изменилась к лучшему, что теперь мало уступает немкам и француженкам в тонкости обращения и светскости, а иногда, в некоторых отношениях, даже имеет перед ними преимущество» *. Этот чрезвычайно сочувственный отзыв молодого и ловкого дипломата относился конечно, к женщинам высшего круга. Но в дневнике самого Берхгольца мы найдем указания на то, что тонкости и светскости обращения даже этих женщин было отведено не особенно широкое поле. Так, маршальша Олсуфьева, родом немка, будучи беременною, умоляла царицу позволить ей не ехать на пир. Та отвечала, что не может этого сделать: русским дамам немцы и без того уже были ненавистны, и снисходительность к Олсуфьевой могла усилить эту неприязнь. Маршальша принуждена была поехать и за ночь разрешилась мертвым младенцем, «которого, говорят, прислала ко двору в спирту». 27 июля 1724 года, в годовщину гангутского сражения, происходил спуск нового корабля «Дербента». «Его Величество был в отличном расположении духа, и потому на новом корабле страшно пили. Все общество оставалось там до 3 часов ночи; но императорские принцессы получили позволение уехать домой еще до 9 часов вечера. Когда они уехали, даже и дамы должны были сильно пить; почему многие из них завтра будут больны, хотя, — прибавляет Берхгольц, — между ними и есть такие, которым добрый стакан вина вовсе не новинка. Между мущинами, когда вино начало оказывать свое действие, возникли разные ссоры, и дело не обошлось без затрецин» **. Все дамы, не явившиеся, вопреки приказанию императора, к спуску «Дербента», должны были собраться на этот корабль 29 июля. Их угощал и принуждал сильно пить капитан Шереметев. Витворт писал своему правительству, что был приглашен на свадьбу, на которой присутствовал Петр Великий, и был очень удивлен, что не произошло при этом сильной попойки ***. А французский посланник Кампердон сообщал, в 1721 году, что на празд-

* Берхгольц. Дневник. Т. I. С. 103.

** Там же. Т. IV. С. 73.

*** Сборник Истор<ического> общества. Т. XXXIX. С. 80.

нестве по случаю именин царицы дамы очень много пили *. Не особенно способствовало тонкости и светскости обращения и то, что дамы, обязательно участвовавшие в маскарадах, должны были за несколько дней приезжать в кофейню, где их костюмы осматривались назначенными Петром лицами **. О попойках и о грубых сценах, на них происходивших, мы находим любопытные указания и в депешах фон Кейзерлинга. На одной из таких попок прусский посол поссорился с Меншиковым из-за заключенной под стражу девицы Монс. Царь и Меншиков, несмотря на мольбы Шафировва, вытолкали фон Кейзерлинга из комнаты. В другой раз светлейший князь и прусский посол сильно подрались. Кейзерлинг горячился и писал королю жалобы; но в конце концов виновными оказались лейб-гвардейцы, и посол уведомлял своего повелителя в таких выражениях о благополучном исходе столкновения: «По поводу этого неприятного столкновения моего с князем Меншиковым последовали с моей и с его стороны принятые при подобных случаях обычные объяснения» ***. Припоминается по этому поводу философское рассуждение Корба, который, сообщивши, что посланник одного северного государства получал от Петра Великого пощечины как знак особенной милости прибавляет к этому: «Впрочем, в этом нет ничего удивительного, так как поступки людей получают свое название от их понятия о вещах, так что одно и то же сообразно с временем и свойствами людей считается милостью или бесчестьем». При такой покладистости многие из иностранцев, наехавших в Россию в начале XVIII столетия, не могли влиять в сколько-нибудь хорошем смысле на русское общество. Сам Корб удивлялся своим соотечественникам, проживавшим в русском государстве, потому что они, подчиняясь туземному обычаю, справляли похороны, точно свадьбу. «В питье и еде, — с огорчением замечает Корб, — ищут они утешения в своей печали». А Берхгольц рассказывает, что иностранцы, основавшиеся на более или менее продолжительное время в Петербурге и Москве, сильно пьянствовали и одни, без русских, распевая: *Stoptski postolisku*.

На царском пиру нередко самыми пьяными из гостей бывали лица духовного звания, что, как говорит Берхгольц, очень удивляло голштинского придворного проповедника Ремариуса, «который никак не воображал, что это делается так грубо и откры-

* Там же. С. 378.

** Карнович. Указ. соч. С. 244.

*** Русская старина. 1872. № VI.

то». В то же время Берхгольц отмечает в своем дневнике: «Признаюсь, я вовсе не ожидал, что здешний двор так великолепен» (это написано 25 июня 1721 г.). Двор царицы, продолжает голштинский камер-юнкер, так хорош и блестящ, как почти все дворы германские (этим, конечно, сказано было еще немного), у царя же, напротив, он чрезвычайно прост. Но пиры происходили при дворе разгульные, а примеру двора спешили или даже обязаны были следовать именитые и новоявленные сановники. Пьянствовали везде, в особенности у великого адмирала Апраксина. У Берхгольца мы то и дело встречаем отметки: сильно пили, ужасно пили; там был такой пир, что немногие помнили, как потом добрались до дому, и т. д. Всякий праздник, каждая свадьба в высшем обществе, как и похороны, не обходились без чрезмерного употребления вина. Происходили сцены поистине безобразные. Ромодановский, сообщает Корб, в одном доме поссорился с Федором Матвеевичем Апраксиным, обругал его и замахнулся на него палкою. Апраксин обнажил саблю. Тогда свирепый князь упал на колени с мольбою о пощаде. «Таков этот человек, говорит Корб: сколько жесток с несчастными, столько труслив с благородными». Князь Трубецкой на своей свадьбе напился до полного бесчувствия. На другой день за пиром молодой должен был по обычаю сорвать венок, который висел над головою новобрачной. Он сделал это с таким ожесточением, что она сама не могла удержаться от смеха. Этот случай подал повод к многочисленным признаниям цинического свойства. «Из подобных вещей, — пишет Берхгольц, — здесь вовсе не делают тайны».

В пирах и потехах Петра Великого некоторые историки усматривают глубокий смысл. Доходят при этом и до таких заключений, что «всепьянейший собор не иное что был, как маска, под которою скрывалась высокая цель великого государя утаить пред соседственными сильными державами политические силы своего государства» *. Несомненно, по нашему мнению, что Петр Великий принес великую услугу развитию русского общества освобождением женщины из ее домашнего заключения; но он испортил благотворные последствия этой меры, вводя женщину в общество пьяных, разнузданных людей, заставляя ее принимать участие в самых грубых увеселениях. Мудрено отыскать глубокий смысл в том зрелище, которое при-

* Там же. 1874. № XII; *Иван Носович*. Всепьянейший собор. Г-н Ровинский (Русские народные картинки. Т. V. С. 261—262) говорит, что всепьянейший собор — «шутовство дикое, злое, пошлое и, прежде всего, беспросыпно-пьяное».

шлось увидеть бывшим за царским столом при крещении Петра Петровича: на мужском столе из громадного пирога выступила голая карлица, держала к гостям речь и провозгласила тост; на женском столе то же самое проделал обнаженный карлик*. Шутовские заседания и процессы несомненно способствовали огрубению, а не смягчению нравов. Тяжелое впечатление производит на современного читателя описание, например, маскарадного шествия на похоронах придворного повара, поляка, о котором рассказывает Берхгольц**. «До сих пор еще, — писал он 16 февраля 1724 г., — все члены императорских коллегий обязаны по утрам являться на службу в масках, что мне кажется неприличным, тем более, что многие из них наряжены так, как вовсе не подобает старикам, судьям и советникам. Но и в этом случае все делается по старой русской поговорке: да будет царская воля».

Как известно, Петр Великий был скор и тяжел на руку. Случилось, что бояре за обедом, обсуждая дела, горячо спорили с Петром и упрямо стояли на своем, «и это так не нравилось государю, что он видел в них почти преступников, и вследствие этого дал полную волю не только словам, но даже и рукам»***. Естественно, что такие случаи расхолаживали спорщиков. При дворе Петра Великого драки и истязания были вообще в большом ходу. Так (в 1722 г.), в камеру, где был заключен дворцовый стряпчий Деревнин, ночью явилась однажды царица Прасковья Федоровна, с своими служителями. Царица начинает бить Деревнина, служители ее палят его свечами, льют на голову крепкую водку и зажигают ее. Только караульные спасли несчастного от дальнейших мучений****. В одном из донесений Ле-Форты сообщается ужасный факт о самом Петре Великом: в Риге загорелась от молнии церковь Св. Петра. Один солдат взял кусок меди от расплавившейся крыши и на беду встретил императора, который так ударил его дубиной, что солдат умер на месте*****. Иван Савич Брыкин, дед известного археолога Снегирева, рассказывал, что раз в его присутствии Петр у дворцового крыльца убил свою дубинкой придворного служителя, который не успел снять перед ним шапки^{6*}.

* Записки Вебера // Русский архив. 1872. № 7—8. С. 1340—1341.

** Дневник. Т. IV. С. 23.

*** Корб. С. 113.

**** Соловьев. Т. XVIII. С. 188.

***** Сборник Исторического общества. Т. III. С. 333.

^{6*} Попов Н. А. Татищев и его время. С. 531.

Вместе с тем мы встречаем у Петра и великодушные порывы, как и выходящую из ряда заботливость о благе государственном. Царь упрекал даже за пьянство своих приближенных, Ромодановского, например, но от последнего получил решительное, хотя в первой части и неверное возражение: «Неколи мне с Ивашкой (Хмельницким) знаться — всегда в кровях омываемся». В данном случае слово Петра Великого сильно расходилось с делом и потому не могло иметь достаточной доли влияния на придворный мир.

Это противоречие встречаем мы и в других отношениях. Заботы Петра о просвещении народа известны каждому образованному русскому. Профессор Попов⁴ справедливо говорит, что «лишь со времен преобразования Петра труд, особенно умственный, стал приобретать себе право гражданства во всех слоях русского общества, сделался нравственным убежищем для многих людей в минуты их общественных неудач и домашних тревог» *. Автор известного исследования о «Науке и литературе в России при Петре Великом» полагает, что «в знакомстве с Лейбницем Петра видна дань уважения к науке и общественному мнению, которое признавало германского мыслителя первым ученым своего времени» **.

Все это справедливо, но в указах и действиях Петра I мы находим в то же время и явные признаки неуважения к человеку. Так из Амстердама в 1717 году император пишет архангельскому вице-губернатору Курбатову: «По получении сего указа, сыщите двух человек самоедов молодых ребят, которые б были дурная рожцем и смешная, летами от 15 до 18 в их платье и уборах, как они ходят по своему обыкновению, которых надо послать в подарок грандуке Флоренскому, и как их сыщите, то немедленно отдайте их тому, кто вам сие наше письмо объявит» ***. Хорош, конечно, и грандука! Гордон сообщает, что царь бил Меншикова, как собаку; а на другой день светлейший князь опять пользовался полным доверием императора и управ-

* *Пыпин*. Изучения русской народности // Вестник Европы. 1882. Ноябрь.

** *Пекарский*. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. С. 25.

*** Русский архив. 1872. № 7—8. С. 1333. В письме к Ромодановскому Петр требует сыскать в Москве карл и прислать в Петербург на свадьбу Волкова. К письму приложена роспись, из которой оказывается, что у царицы и вельмож находился 31 карла, в том числе у Ивана Нарышкина три, у некоторых по два, у большинства по одному (Русский архив. 1865. № 53).

лял важнейшими государственными делами*. Обо всем русском народе Петр Великий был не особенно высокого мнения. Известно, что он уподоблял русских детям, которые станут трудиться, как следует, и откажутся от предрассудков лишь по принуждению. Подобного рода недостатки в преобразовательной деятельности императора признают самые решительные ее сторонники. «Может быть, — говорит, например, А. Н. Пыпин⁵, — что реформа поступила бы благоразумнее, если бы вела свое дело с меньшею резкостью, с большим вниманием к старой народной привычке и с большим участием к социальной беспомощности народа»**. К общей оценке преобразовательной деятельности великого императора мы вернемся, а теперь представим еще несколько характерных, по нашему мнению, данных для того, чтобы определить влияние правительства и высшего, придворного мира на изменение нравов русского общества.

Семейная жизнь великого государя не могла, разумеется, послужить добрым образцом для его подданных: он развелся с одною женою***, вступал в кратковременные связи и во втором браке; его сын погиб насильственной смертью. С Екатериною, впрочем, Петр I жил в большом ладу, хотя увлечение императ-

* «Der Tzarj stieß ihn oftmals öffentlich mit dem Fusse fort, und prügelte ihn wie einen Hund, so dass die Umstehenden meyneten, es wäre um ihn geschehen. Aber allemal den folgenden Morgen wurde wieder Friede gemacht» (Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode kaisers Peters des Grossen. Erster Theil. 1777. Riga, 256). Вебер так характеризует петровское время: «Es ist nicht zu läugnen, dass Russland wenig Städte und viel Wald und Wüsten hat; dass der meiste Theil des Landes unfruchtbar oder besser zu reden unbeackert liegen bleibt; aber eine der vornehmsten Ursachen dessen ist dass das Land von Menschen in diesem Kriege erschöpft ist, und die übrige wegen der Tyranney ihrer Amt- und Edelleute weder Lust noch Hertz haben, Hand anzulegen, und nur auf ihr kümmerliches tägliches Auskommen gedencken» (Das veränderte Russland. 1738—1740, 33). Бояре (дворяне) по отношению к крестьянам заявляли такие же права и требования, как царь к ним (Ibid. § 170).

** Пыпин А. Н. Русская наука и национальный вопрос в XVIII веке // Вестник Европы. 1884. Т. VII.

*** Отметим по этому случаю ужасный факт. Степан Богданович Глебов, обвинявшийся в связи с царицей Евдокией Федоровной, был пытан кнутом, горячими угольями, раскаленным железом; три дня был привязан к доске, убитой гвоздями; наконец живой посажен на кол... Глебов молчал до конца своих мучений. Через три года по царскому указу его проклинает святейший Синод (Русская старина. 1876. № II).

рицы вызвало было грозу на нее *. Г-н Есипов приводит, как редкую по тому времени черту нравов высшего сословия, теплую любовь между князем А. Д. Меншиковым и его супругой. Меншиков, будучи в походах, отправлял ежедневно успокоительные письма княгине Дарье Михайловне **. Но и такая любовь не препятствовала многочисленным и грубым нарушениям брачной верности. Зато при дворе, как было уже упомянуто, усилился внешний блеск, развилась роскошь, а за двором потянулись и придворные. Светлейший князь Меншиков с конца 1709 по 1711 год израсходовал лично на себя (т. е. без расходов на содержание княгини и сына) 45 123 рубля ***. Для того, чтобы понять, как велика была по тому времени эта сумма, необходимо припомнить, что все государственные доходы дали в 1710 году 3 051 796 рублей. Другие вельможи старались не отставать от царского любимца. Чтобы остановить развитие роскоши, царь принимал сильные меры. Так в конце 1717 года он издает указ, которым запрещалось носить новое золото и серебро пряденое и волоченное; за нарушение указа грозил *великий штраф*. Но законодательные меры мало сдерживали наше высшее сословие, которое правдами и неправдами, — в особенности неправдами, — стремилось к роскоши, к богатству. Несмотря на жестокие преследования Петра Великого, грабительство и взяточничество принимало поразительные размеры. Известно печальное и громкое дело сибирского губернатора князя Гагарина, который оказался виновным во множестве злоупотреблений, во взяточничестве, в казнокрадстве, и который был повешен разгневанным императором. Но зло было общее и застарелое, оно не поддавалось жестоким наружным мерам лечения и не ослабевало во все продолжение царствования Петра Великого. Прибыльщик Курбатов кончает свое донесение царю от 4 октября 1706 года такими словами: «Едва не все их милости об нем (донесении) скорбят, подсылают ко мне с дарами, грозят погубить. Молю, спаси! Одни Ярославцы и Псковичи готовы дать 20 000 рублей, чтобы только избежать обличения от меня» ****. Указами, угрозами, вызовом доносителей, говорит Соловьев, дело не ограничилось, и Петр учреждает фискалов. В августе 1711 года старик Зотов

* Петр заставил Екатерину смотреть на отрубленную голову Монса (Андреев. Екатерина I // Осьмнадцатый век. III).

** Есипов. Жизнеописание князя А. Д. Меншикова // Русский архив. 1875. № 9.

*** Там же // Русский архив. 1875. № 12.

**** Соловьев. История России. Т. XVI. С. 9.

взял на себя звание государственного фискала, но о деятельности его в этом звании нет сведений. «Первым обер-фискалом был назначен дьяк Былинский»; но он скоро был уволен по просьбе князя Ромодановского, которому он был нужен для строения дома его в Петербурге *. Очень характерна эта причина увольнения. В апреле 1712 года трое фискалов, — Желябужский, Нестеров и Шепелев, — подали царю жалобу на сенат, в которой они писали следующее: «Изволил ваше царское величество учинить фискальное дело, для чего, по указу из сената, определены мы. И мы, рабы твои, по должности своей, всячески проводывая и усмотря как в сборах, так и в расходах и об иных нуждах, подали в сенат многие разные доношения. А по другим делам в разных приказах как за судьями, так и за приказными людьми сыскали всякую неправду, о чем написано порознь в наших особливых доношениях и обличениях, по которым, против твоих пунктов, указу и определения не учинено и по се число, и на суд нам неправду сотворивших не токмо которого судью, но и последнего подьячего ко обличению не поставлено. А когда приходим в сенат с доношениями и от князя Якова Федоровича (Долгорукого) да от Григория Племянникова безо всякой нашей вины бывает к нам с непорядочным гордым гневом всякое немилосердие, еще ж с непотребными укоризны и поношением позорным, зачем нам, рабам твоим, к ним и входить опасно. Племянников называет нас уличными судьями, а князь Яков Федорович — антихристами и плутами» **. Десять лет спустя, обер-фискал Нестеров, по случаю выборов в президенты юстиц-коллегии, жаловался, что «с ним в десяток никто не сообщается: так общество, говорит Соловьев, в своих высших слоях, упорно продолжало обнаруживать свое отвращение к фискалам» ***. Сам Петр признавал, что «земского фискала чин тяжел и ненавидим». К этому следует прибавить, что и фискалы оказывались виновными в возмутительных злоупотреблениях. Сложилась народная поговорка: Бог любит праведника, царь любит ябедника. В 1713 году Акишев, комиссар Архангелогородской губернии, бесчинствует и злодействует, наносит побои, увечья, убивает, насилует женщин, приказывает водить их нагих по улицам, оскверняет своими неистовствами церковные паперти, «а Курбатов молчит и не старается противодействовать

* Там же. С. 232.

** Там же. С. 232—233.

*** Соловьев. Т. XVIII. С. 155.

всем этим мерзостям» *. Петровский комендант, Ивинский, жаловался в 1719 году на бывшего посланника Артемия Волынско-го, который за то, что Ивинский собрал мало подвод, приказал избить его ослопьями и сам бил каблуками **. В 1707 году воевода Сергиев, Хохлов и братья Аристовы корыстолюбием, насилием, оскорблением магометанской религии вызвали кузюковский бунт ***. Лица, облеченные наибольшим доверием царя, осыпанные его милостями, отличаются непомерным хищничеством, попирают справедливость и законы самым наглым образом. Это с изумлением отмечает в своих доношениях Ле-Форд ****. Вместе с тем даже лучшие, наиболее образованные люди, отличавшиеся в то же время и силою воли, обнаруживали самое возмутительное раболепство, отличались самою лживою лестью. Г-н Чистович заявляет, например, о Феофане Прокоповиче следующее: «Надо признаться с сожалением, что Феофан применялся к произволу монарха, забывая иногда святую правду и жертвуя истиною цареугодливости» *****. Феоdosий Яновский ⁶ завел в Москве, во время пребывания там двора, чтобы доставить удовольствие императору, ассамблеи для духовенства, применив к ним правила светских ассамблей. Это вызвало сильный и основательный ропот ^{6*}. «Не может быть не характерично, — справедливо замечает Пекарский, — что один оратор начала XVIII века, превознося в церкви хвалами Меншикова, прославлял его и за разорение Батурина, где, как известно, не были пощажены даже жены и дети единоплеменников оратора» ^{7*}. Светлым исключением являются лишь немногие люди,

* *Мрочек-Дроздовский*. Областное управление в России XVIII века. С. 347.

** Русский архив. 1865. С. 983—986.

*** *Алекторов*. История Оренбургской губернии. 2-е изд. С. 13—16.

**** «C'est une chose surprenante que ceux, à qui ce brave monarque fait le plus de bien, sont ceux qui violent les lois les premiers» (Сборник Р. И. Общества. Т. III. С. 387—388). Дешеша написана 2 сентября 1724 года.

***** *Чистович*. Феофан Прокопович и его время. С. 119.

^{6*} Там же. С. 112—113.

^{7*} Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. С. 362. В 1709 г. митрополит нижегородский и алатырский, смиренный Исайя, обращался с следующещо просьбою: «Указал бы меня Великий Государь, меня богомольца своего взять к Москве, также и Силивестра, прелюбодея духовного, и нового блядливого Арксакия, что был Троицы Сергиева монастыря архимандрит, и кто надлежит с ним Силивестром прелюбодеем и новым Арксакием блядливым,

как рязанский митрополит Стефан, блюститель патриаршего престола. В торжественный день именин царевича Алексея, 17 марта 1712 г., Стефан в проповеди резко выступил против фискалов. «Закон Господень непорочен, — говорил митрополит, — а законы человеческие бывают порочны; а какой-то закон, например, поставити надзирателя над судами и дати ему волю кого хочет обличити да обличит, кого хочет обесчестити да обесчестит; а хотя того не доведет, о чем на ближнего своего клеветает, то за вину не ставить, о том ему и слова не говорить, вольно то ему; не тако подобает сим быти: искал он моей главы, поклеп на меня вложил, а не довел, пусть положит свою голову; сеть мне скрыл, пусть сам ввязнет в узкую; ров мне ископал — пусть сам впадет в он». Эта проповедь, замечает Соловьев, не осталась без влияния на Петра Великого, в позднейших узаконениях которого есть некоторые ограничения произвола фискалов.

Но произвола и жестокости в управляющих было так много, что от их подвигов в этом отношении страшно становится и в настоящее время. Конечно, возможность непрерывных злодейств и хищничества административных властей обуславливалась низким уровнем умственного и нравственного развития народа, грубостью нравов многочисленных слоев населения громадного государства. Нескольких примеров будет достаточно для нашей цели. «Старые нравы общества, которое начало преобразовываться, — говорит Соловьев, — отражались повсюду, ученики школ вели себя как нельзя хуже, актеры из русских подьячих бесчинствовали». Разбой и убийства были обычным явлением. Перед Вышним Волочком, пишет Берхгольц, всюду виднелись разбойники, повешенные за ребра и навязанные на колеса. И подобного рода явления тянутся ужасающею вереницею во все царствование Петра Великого. Еще Корб отмечает в своем дневнике в конце XVII в. постоянные убийства, грабежи и казни. Так, 1 и 2 января 1699 г. были казнены шесть поддельщиков монеты: им влили в рот расплавленную поддельную монету. В 1702 г. капитан Рагульский с целою ротою отправлен был в Костромской и Галицкий уезды для сыску разбойников, и успел схватить знаменитых разбойников, помещиков: Захара Полозова, Никифора Сытина, Петра Синяшина, Ивана Сологубова, Ни-

---

что прелюбодействует с моею духовною невестою Нижегородскою церковию противно закону нашему и нашей благочестивой Греческой Церкви», и т. д. Так велся спор двух митрополитов из-за одной кафедры (Чтения. 1884. Т. III).

киту Жданова, Василия Полозова — Кулю, Ивана и Данилу Захаровых, Семена да Петра Шишкиных. Разбойничали они с своими людьми, нападали на деревни, убивали мужчин, насиловали женщин, огнем жгли» *. В 1710 г. разбойник Гаврила Старченок с 60 товарищами производил зверские убийства и истязания в нынешней Костромской губернии. Помещики скрывались в Костроме. В том же году били челом государю клинские, волоцкие и можайские вотчинники и помещики: разбойники нападают на селения и ночью, и днем, грабят, убивают людей **. Разбойники, напавшие на вотчину Василия Шаптицкого, доносил ярославский обер-комендант, вскрыли у него и у его сына, еще живых после ужасных истязаний, груди, жрали сало их и пили кровь... *** И под самый конец царствования Петра Великого положение вещей не улучшилось. По донесению голландского резидента, в Петербурге в конце 1722 г., в один день, повесили, колесовали и подняли за ребра двадцать четыре разбойника, а Ле-Форт писал 9 апреля 1723 г.: «Как кажется, нас скоро постигнет несчастье. Бедность увеличивается с каждым днем. Улицы (Москвы) полны народом, готовым продать своих детей. Запрещено подавать милостыню нищим, чем они станут, как не разбойниками на большой дороге? И так уже по дороге в Петербург разбойники нападают на жителей». В донесении Ле-Форты от 2 сентября 1724 г., на этот раз из Петербурга, мы читаем следующее: «Уже близки маскарады и здесь ни о чем другом не говорят, как об удовольствиях, тогда как народ чуть не плачет» ****.

Горькая нищета, повсеместный произвол и жестокость казней плодили преступления и усиливали грубость нравов. «Полиция, говорит Соловьев, вела постоянную войну с нищими, число которых не уменьшалось, несмотря на повторительные против них указы». Разорение и одичание вызывались почти непрерывавшимися войнами. С пленными обращались худо. Берггольц сообщает о совершенно бедственном положении пленных шведов по заключении мира, а в 1706 г. иерусалимский патриарх Досифей писал царю, чтоб он запретил своим подданным продавать туркам шведских пленников *****. И в то время, когда в обществе сплошь и рядом нарушались основные требования

* Соловьев. Т. XV. С. 105.

** Соловьев. Т. XVI. С. 17.

*** Мрочек-Дроздовский. Указ. соч. С. 331.

**** Сборник Исторического общества. Т. III. С. 361, 382.

***** Соловьев. Т. XVI. С. 18.

христианской нравственности, власть карала за религиозные преступления так жестоко, что напоминала своим образом действий самые мрачные времена инквизиции. Вот одно ужасающее дело. Дьячок Василий Ефимов тайком пробрался в церковь, зажег там свечи и наполнил храм благоуханием, тайком же удалившись из него. Народ дивился мнимому чуду, слух о котором, разумеется, разошелся далеко. Святотатственная проделка открылась. Дьячок сознался и показал, что говорил на исповеди о своем преступлении священнику Тихону Зотикову. В показании последнего значится: «А преосвященному архиепископу и до его архиерейства преосвященному епископу о том он поп не донес, бояся положенного за объявление детей духовных и оказанных ими грехов истязания, а больше простотой и незнанием». Святейший Синод 29 сентября 1721 года повелел попа за допущенный соблазн «лишить за такое попущение и недонесение, священнослужения с конечным всех иерейских действий отсечением, да и прочие священники в том опасении возымеют». Дьячка предписано было передать в юстиц-коллегию, и несчастный был сожжен, по «Уложению» *. Случай далеко не единственный. В 1720 г., например, в Петербурге был сожжен крестьянин Ивашка Красной за то, что в Москве во время крестного хода «обругал спасителей образ и животворный крест Господень» **. Вебер⁷ сообщает, что в январе 1715 года в Москве был сожжен священник Фома за преступление такого же рода ***.

Г-н Чистович так говорит о религиозно-нравственном состоянии русского общества петровского времени: «Умножение и повсюдное распространение суеверий самых грубых, чрезвычайная привязанность к обрядам и формам, грубость религиозного чувства и вкуса (?), незнание самых первых и основных понятий христианской веры и правил христианской жизни составляют характеристичные черты религиозной нравственной жизни русского народа того времени» ****. Высшее духовенство не уступало в роскоши и пороках высшему светскому сословию. Так, знаменитый Георгий, бывший не из ученых и не любивший ученых, вел, как архимандрит Троицкого монастыря, очень роскошную жизнь. «Одной прислуги было у него человек до двадцати. Вклады золотом и серебром не отдавал в казенный приказ, а заводил на них кареты, коляски, шоры, покупал ло-

* Русский архив. 1867. № XII. 1708—1720.

** Хмыров. Графиня Е. И. Головкина и ее время. С. 91.

*** Das veränderte Russland. С. 57—58.

**** Чистович. Указ. соч. С. 71—72.

шадей, строил конюшенные дворы и держал до полутораста конюхов». Во время поездок с Георгием Дашковым⁸ двигалось до 150 служителей и до 200 лошадей. Дашков брал взятки и давал их *. «Окаянное наше время! — говорит Димитрий (Ростовский)⁹ в одной из своих проповедей. — Окаянное время, в которое так пренебрежено сияние слова Божия, и не знаю, кого прежде надобно винить, сеятелей или землю, священников или сердца человеческие, или тех и других вместе» **. Димитрий, замечает Соловьев, должен был увещевать священников, чтобы они не уподоблялись Иуде предателю, не рассказывали грехов детей своих духовных, когда эти грехи были открыты им на исповеди; но из дела дьячка Василия Ефимова мы видели, что Святейший Синод придерживался иногда другого взгляда. Святой Димитрий Ростовский в таких резких выражениях высказывался о современном ему духовенстве: попы «по пьянствовании не протрезвившиеся, не приготовившиеся к служению, дерзают литургисати, еже людям есть на соблазн, а самим таким иереям на погибель. Другие же злонравии священницы в церкви и святом алтаре сквернословят матерно бранящиеся, и творят дом Божий вертепом разбойников» ***. При таких пастырях, — нечего удивляться, — пасомые отличались и невежеством, и грубостью нравов. Характерен в этом отношении один рассказ Берхгольца. Голштинский герцог и его свита посетили фабрику Тамсена (в Москве). Чтобы доставить принцу достойное удовольствие, хозяин приказал двум работницам-девушкам, из которых одна была за парня, проплясать обычный и крайне непристойный танец. Девушка ложилась во время этой пляски, а другая вертелась вокруг нее с циническими телодвижениями. Последняя постыдилась докончить танец, и это сделал, по приказанию Тамсена, мальчик 9—10 лет. Само собою разумеется, что простительное для народа, хотя и очень прискорбное, возмутительно в поощряющих свидетелях и действующих лицах из высших сословий; особенно возмутительно в просвещенном иностранце, который не затруднялся относиться с презрением к невежеству и грубости русских. Тем не менее, должно сознаться, много горькой правды в отзыве Кампердона о русских времени Петра Великого: «Можно сказать, что они любят обман больше жизни, ибо каждый день можно видеть, что пытка, претерпеваемая одними, и конфискация воровством нажитого богатства

* Там же. С. 185—186.

** Соловьев. Т. XV. С. 116—117.

*** Др<евняя> Росс<ийская> Вивл<иотека>. Ч. XVII. С. 103.

других не в состоянии никого удержать от покушения воспользоваться самой ничтожной выгодой, которую им предлагают в ущерб чести и интересам их монарха» *. Только одну из главных причин этого зла мы видим именно в конфискации без суда, в пытках и казнях, в грубости, жестокости и произволе тех мер, которыми имелось в виду достигнуть нравственного исправления русского общества.

III

Характеристика нравов в начале XVIII века и определение того влияния, какое имела на их изменение правительственная деятельность, немислимы, конечно, без приведения сведений о тайной канцелярии, о розысках, пытках и казнях по государеву «слову и делу». Но факты, рисующие деятельность этой канцелярии, настолько общеизвестны, что в настоящем случае можно ограничиться немногими данными. Г-н Семевский, в своих очерках и рассказах из русской истории XVIII века **, по вершным делам розыскных дел тайной канцелярии, — «полное развитие которой, говорит историк, бесспорно, принадлежит Петру Великому», — передал ужасающие подробности тогдашнего допроса *с пристрастием, обряда как обвиненный пытается*. Какие мучения выносили очень часто совсем невинные или виновные в пустых проступках лица, — это современному человеку трудно даже вообразить. Доносы шли со всех сторон, а большей частью доносчиками являлись преступники, которые хотели «правым изветом» освободиться или, по крайней мере, отсрочить наказание ***. Каковы бывали доносы, приведем несколько образчиков. Некто Ларион Федоров заявил, что ему двоюродный брат говорил когда-то: «Каковы де судящие на земли не правдою судят, таковы де судящие имеются и на небеси, непостоянны» ****. Крестьянин Барышников в 1720 году, со слов

* Сборник Ист<орического> общества. Т. 40. С. 428.

** Семевский М. И. Слово и Дело. 2-е изд.

*** Есипов. Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. I. С. 359.

**** Там же. Т. II. С. 110. Г. Есипов (Тяжелая память прошлого. С. 46) приводит следующее письмо, за которое пытали: «От веды, от великие кузни, от льстивого изменения, от великого падения, о како прельстихомея о како приведохомея, како слышавши писания не вразумихомея, како слышавши проповедника ругахомея; те бо и тогда связанны вещми житейскими желаючи века сего, и тебо удобь преступят к диаволу знаменуется приемши начертания скверного. Бога Богоборца места животворящего креста Спасова и

солдата Малышникова, рассказал, будто сто цесарских кораблей пришли в Кроншлот и просят у царского величества великого князя, а потом и изменников. Слышавший этот рассказ крестьянин Салтанов закричал: *Слово и дело!* Барышникова заковали в ножные и ручные кандалы и отправили в столицу (из Пошехонского уезда). Тайная канцелярия положила: «крестьянину Ивану Барышникову за продерзостные, непристойные слова, учинить жестокое наказание: вместо кнута бить плетьюми и освободить с проездным листом до Пошехони» *. За необычный поклон императору бывший во хмелю крестьянин Максим Антонов после пыток сослан в Сибирь, да и то лишь благодаря милостивому манифесту. Карачевский судья Коптев донес на фискала Веревкина, который в жару спора с поручиком Шишкиным произнес такие слова: «Ты, Иван Шишкин, царем сшибаешь и царевым указом играешь!»! Веревкин два года протомился под арестом и наконец по делу был постановлен такой приговор: фискала Веревкина бить вместо кнута батогами нещадно, но бить с сохранением чести, «не снимая рубаху» **. Небесные видения, таинственные литеры на чане, толки по поводу нового титула (императорского) — все служило поводом к доносам, к пыткам, к жестоким наказаниям. Не могли не замечать зла и современники. В 1723 г. Де-Геннин писал Ромодановскому: «ныне шутя употребляют бездельники слово и дело государево на кабаках и на улицах, грозя добрым людям: ежели не дашь гривну на вино, то ты хочешь ли со мной ехать в Преображенской? и уже добрые люди опасаются и в город ездить от таких клеветников» ***. Но несмотря на ужас, наводимый «преображенскими судьями», находились люди, которые пытались обличать их в несправедливости перед царем, которые не смирялись истязаниями ****.

тебо удобь вложны будут с диаволом во тьму кромешну». Г-н Ровинский говорит: «Петр пытал всех, без разбора и часто без всякой надобности, когда дело было уже совершенно ясно. Коллекция пыточных инструментов в его время находилась в приказе, что у церкви Петра и Павла, отчего и взялась пословица: живет правда у Петра и Павла» (Русские народные картинки. Т. IV. С. 401). В случае смерти под пытками от судей не требовалось даже канцелярской отписки (Там же. С. 402).

* Слово и Дело. С. 10—12.

** Там же. С. 13—17, 25—26 и др.

*** Попов Н. В. Н. Татищев и его время. С. 49—50.

**** См., например: Русская старина. 1885. Август (Тайная канцелярия в царствование Петра I). Иностранец свидетельствует тем не менее,

Жестокость плодила жестокость, и розыскных дел тайная канцелярия много содействовала поддержанию и развитию среди русского народа грубых, бесчеловечных инстинктов.

что Петра любили в народе: «Le seizième le Czar arriva a Moscow. Sur le midi (декабрь 1707 г.), au bruit du canon des remparts, et fut reçu avec une joye universelle après une absence de deux ans» (Voyages de Corneille Le Brun. Amsterdam, 1718).